
МУ ЖУН
ЛАВКА
Здесь не продается
НИЧЕГО,
но можно
купить ВСЁ
ШЕСТНАДЦАТОЙ
НОЧИ

Лисье чаепитие. Книги, исцеляющие душу

Му Жун

Лавка шестнадцатой ночи

«Эксмо»
2019

УДК 821.581-312.9
ББК 84(5Кит)-44

Жун М.

Лавка шестнадцатой ночи / М. Жун — «Эксмо», 2019 — (Лисье чаепитие. Книги, исцеляющие душу)

ISBN 978-5-04-257304-0

Как бы вы поступили, если бы существовало место, где можно купить всё, что угодно? Осмелились бы на сделку? Или не стали бы рисковать, опасаясь потерять больше, чем можете приобрести? В лавку «Шестнадцатая ночь» приходят не только за ночлегом и горячим чаем — каждому гостю ее хозяин Фан Шисюань предлагает сделку. Человек ты, демон или призрак — отдав самое дорогое, любой сможет получить здесь нечто гораздо более ценное. Потерянное время. Новую встречу со старым другом. Последнее свидание с умершим возлюбленным. Однако есть то, что не могут вернуть даже боги. И однажды Фан Шисюань, так часто предлагавший отчаявшимся сделать выбор, сам оказывается героем трагической истории… Исцеляющие истории для поклонников «Телефонной будки несказанных слов» Ли Су-ён, «Магазина шаговой доступности» Ким Хоён и «Дней в книжном Морисаки» Сатоси Ясигавы. Тайваньская новелла про лавку-гостиницу, где можно купить все (включая лишние годы жизни), но за каждое желание придется заплатить соответствующую цену. Тонкое переплетение магии, фольклорных сюжетов и искренности, которая порой просыпается слишком поздно.

УДК 821.581-312.9
ББК 84(5Кит)-44

ISBN 978-5-04-257304-0

© Жун М., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Пролог 7
Глава 1. У него наверняка красивое и доброе лицо 10
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Му Жун
Лавка шестнадцатой ночи

Mu Rong
########
THE SIXTEENTH NIGHT'S MEMORY INN
######## THE SIXTEENTH NIGHT'S MEMORY INN © 2019
Russian edition published by agreement with Ever Glory Publishing Co., Ltd. through The Grayhawk Agency Ltd.

Перевод с китайского Кристины Абрамовой
Иллюстрация на обложке Анны Зайки

© Абрамова К. В., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Пролог

На туманных просторах современного мира, где древние традиции вплетаются в реальность, таится удивительное место – отель «Шестнадцатая ночь», восставший из пепла забытых веков, где искусство изгнания злых духов превратилось в таинственный ритуал утешения душ, жаждущих покоя. В обмен на эхо собственного имени путники обретают здесь временное умиротворение.

В пятнадцатую ночь каждого месяца луна обнажает свою незабываемую красоту, озаряя землю волшебным светом. Именно это небесное чудо вдохновило Фан Шисюаня, мудрого создателя этого святилища, наречь своё творение «Шестнадцатой ночью» – в честь той самой волшебной ночи, когда время замирает, а сожаления становятся частью жизненного пути.

Старинное поместье, доставшееся ему от предков, было жемчужиной, затерянной между величественной горой Ишань и неспешной рекой Ванчуань, словно сама природа благословила это место, заключив его в объятия двух своих сокровищ.

В стенах родового особняка господин Фан не просто хранил фамильное наследие – он дарил ему новую жизнь, создавая удивительные изделия своими руками.

«Когда человек настолько очарован простым яблоком, что готов потерять голову, – учил Фан Шисюань, – плата за него, равная стоимости десятка обычных плодов, становится оправданной».

В эпоху, где холодный расчёт диктует законы рынка, его философия казалась пережитком прошлого. Но хозяин отеля твёрдо хранил веру своим убеждениям.

«Если ты искренне переживаешь, если тебе не безразлично, если не можешь отрешиться от своих желаний – значит, ты выбрал верный путь», – повторял он, словно древний монах, проповедующий своё учение.

Человеческий род заполонил все уголки земли. Величественные небоскрёбы стали новыми горами; железные дороги оплели планету; некогда единый мир разделили границы, начертанные рукой человека.

В этих каменных джунглях, где сталь и стекло вытеснили живое, природа отступила: птицы больше не поют, рыбы покидают отравленные реки, а насекомые прячутся в нетронутых островках почвы. Растворилась в воздухе и древняя сила – демоны.

С уходом демонов угасли и их вечные противники – охотники. Они сменили мечи на торговые весы и стали посредниками между двумя мирами, пропасть между которыми некогда казалась непреодолимой. Люди жаждали могущества демонов. Демоны же тосковали по мудрости. И там, где билось сердце спроса, росло предложение.

В лавке Фан Шисюаня не существовало различий между видами. Здесь, в этом удивительном месте, где переплетались судьбы людей и демонов, единственным языком общения были деньги. И если твой кошелёк был полон – ты мог получить всё. Всё имело свою цену, и всё было доступно тому, кто был готов заплатить.

На первый взгляд в отеле не было ничего примечательного. Но тот, кто умел видеть глубже, замечал, что каждая вещь здесь хранит тайный смысл.

Протяжный скрип пронзил ночную тишь старого дома. Фан Шисюань неспешно обернулся к источнику звука и с приветливой улыбкой, озарившей лицо, обратился к таинственному гостю:

– Добро пожаловать в «Шестнадцатую ночь», путник.

На пороге застыл незнакомец, но не черты его лица врезались в память, а роскошная грива волос, что волнами ниспадала на плечи, словно шёлковые нити. Его одеяния и весь его облик дышали такой древней мудростью, что казалось, будто он не из соседнего переулка при-

шёл, а проступил сквозь завесу столетий, явившись прямиком с забытых страниц истории, где время остановило свой бег.

Он, будто призрак, едва заметно шевельнул створкой двери и бросил осторожный взгляд на царящий за ней сумрак. Фан Шисюань тут же распахнул дверь шире, приглашая гостя внутрь.

– Ты здесь, чтобы отведать нашей кухни, найти приют на ночь… или, быть может, ищешь нечто особенное для покупки? – Его голос звучал ровно.

Мужчина, переступив порог, замер, будто наткнувшись на невидимую преграду. В его глазах промелькнуло удивление, словно он не чаял встретить здесь живое существо. Но когда до его слуха долетело слово «купить», черты лица разгладились: он нашёл то, что искал.

– Купить, – эхом отозвался он.

«Шестнадцатая ночь» стояла в стороне от мирской суеты, вдали от туристических троп и городского шума. Здесь царила особая атмосфера. Только двое нарушали покой этого места.

Фан Шисюань плавным жестом указал гостю на стул.

– Предупреждаю сразу, – произнёс он, – мои товары стоят дороже золота и драгоценных камней.

– Называй свою цену, – отозвался незнакомец, не дрогнув.

– Я заберу твоё нынешнее имя, – сказал хозяин отеля, улыбнувшись, – и, когда всё будет завершено, дарую тебе новое.

– Какое разочарование, – протянул незнакомец.

Слегка улыбнувшись, он поднял руку и кончиком указательного пальца вывел на поверхности стола изящный иероглиф.

– Я Сяо Мань.

В его движениях была особая грация, словно он совершал древний ритуал.

Фан Шисюань, казалось, на мгновение замер, будто пытаясь разгадать его тайну.

– Прекрасное имя, – произнёс он, и в его голосе прозвучало искреннее восхищение. – Тогда почему бы тебе не вложить всю его силу в оплату того, что ты желаешь получить?

Сяо Мань не колеблясь кивнул, словно давно уже принял это решение.

– Будь ты древним демоном или вечным призраком, принимая имя, предназначенное другому, или добровольно отдав своё, ты предаёшь тем самым собственную сущность. Отныне твоя душа станет безвольной куклой, и всю жизнь ты будешь находиться во власти того, кто дерзнёт носить твоё истинное имя.

Фан Шисюань впился в Сяо Маня пронзительным взглядом и спокойно добавил:

– Вне зависимости от того, ведаешь ты об этом или нет, я обязан предостеречь тебя. Я не гнушаюсь извлекать выгоду из чужих слабостей, но в моих правилах никогда не обманывать доверившихся.

Сяо Мань снова склонил голову в лёгком поклоне.

– Я понимаю.

Фан Шисюань усмехнулся, его глаза на мгновение блеснули. Затем он неспешно удалился в заднюю комнату, откуда донеслись мелодичные звуки льющейся воды и тихое позвякивание посуды. Пока закипал чайник, пока он с особой тщательностью заваривал чай и доставал угощения, время словно остановилось. С такими сделками нельзя торопиться, думал он, каждая деталь должна быть безупречна.

Таков был истинный характер Фан Шисюаня: он никогда не спешил выставлять товар на всеобщее обозрение. Пока потенциальный покупатель не проявит подлинный интерес к сделке, пока сам торговец не будет абсолютно уверен в выгоде, он не раскроет и толику своих лучших сокровищ.

Фан Шисюань появился из-за ширмы, неся поднос, на котором изящно расположились дымящийся чайник и тарелка с искусно приготовленными угощениями. А следом за Фан

Шисюанем, словно выплыв из полумрака, появилась девушка, чья грациозная поступь напоминала движение лотоса на ветру.

Она выглядела его ровесницей, была совсем юной, но наивное и простодушное лицо выдавало её детскую натуру. Её большие глаза тут же засияли при виде угощений, искусно разложенных на столе. Заметив гостя, она растянула губы в радостной улыбке, так что уголки затрепетали от восторга, а по подбородку предательски скатилась капля слюны.

Фан Шисюань, не проронив ни слова, извлёк белоснежный платок и с необычайной нежностью и аккуратностью вытер ей рот.

Сяо Мань какое-то время не сводил с девушки пристального взгляда, а после негромко произнёс:

– Эта девушка…

– Дурочка, – оборвал его Фан Шисюань, не утруждая себя излишней вежливостью. – Или, если точнее, «полудуша». – И, не теряя невозмутимости, пояснил: – Её дух неполный, оттого она и ведёт себя столь… необычно. Вас что-то смущает? – уточнил он, прищурившись.

Сяо Мань, осознав, что слишком надолго задержал взгляд на девушке, смущённо отвёл глаза.

– Простите. Просто… вы оба невольно напомнили мне двух давних знакомых. Такое поразительное сходство.

Фан Шисюань позволил себе лёгкую усмешку.

Девушка, ничуть не стесняясь своего поведения, нетерпеливо протянула руку к лакомству. Это было нежное рассыпчатое печенье, и от её порывистого движения оно тут же превратилось в мелкую крошку.

Сделав вид, что пришёл в негодование, Фан Шисюань резко прикрикнул на неё:

– Чжун И, уйди с глаз долой, не путайся под ногами!

Но Чжун И ничуть не испугалась. Она лишь глупо улыбнулась, словно от рождения знала, что этот человек никогда не причинит ей зла, и с удовольствием принялась уплетать печенье. Фан Шисюань же, как только успокоился, неспешно разлил ароматный чай и обратился к Сяо Маню:

– Итак, что же ты желаешь приобрести?

Сяо Мань медленно поднял взгляд:

– Я хочу купить время. Время, что течёт вспять.

– Никто не способен обратить время вспять, – ответил Фан Шисюань с невозмутимым спокойствием.

Глаза Сяо Маня налились кровью.

– Но что мне делать? Чжаоди… у неё совсем не осталось времени… – Его кулаки сжались так, что костяшки побелели. – Я должен её спасти, чего бы мне это ни стоило.

Фан Шисюань неспешно пододвинул к гостю чашку с ещё дымящимся чаем. Он уже понимал: впереди его ждёт история, достойная того, чтобы её выслушали.

Глава 1. У него наверняка красивое и доброе лицо

Ван Чжаоди, двадцатилетняя студентка-медик, завершала обучение в институте и проходила практику в городской больнице. Одинокие вечера в съёмной квартире ей скрашивала лишь золотая рыбка в крошечном аквариуме – единственное живое существо, делившее с ней холодные стены.

Во время переезда Чжаоди случайным движением локтя разбила аквариум. Осколки усеяли пол, а бедная рыбка, лишившись воды, отчаянно забилась в стеклянной ловушке.

Чжаоди так торопилась спасти крошечное создание, что порезала палец о предательский осколок – багровая капля повисла на остром крае стекла. Не чувствуя боли, она вытащила рыбку из смертельной засады. Бедняжка лежала без движения, выпучив глаза, но в душе Чжаоди теплилась надежда: она верила, что ещё может спасти своего питомца.

Солнечные лучи, проникавшие сквозь оконное стекло, рисовали на осколках причудливый узор. Призрачный круг света дрожал и переливался. В этой картине хаоса и разрушения произошло нечто удивительное: крошечное прозрачное существо, похожее на водяной пузырёк, пробираясь между острыми стекляшками, медленно приближалось к тому осколку, о который поранилась девушка.

«Пузырёк» двигался осторожно, словно танцуя в воздухе, пока не коснулся ещё не успевшей засохнуть капли крови. И тут произошло невероятное: существо начало менять цвет подобно тому, как вода окрашивается кровью, – от точки соприкосновения поплыл нежный, словно рассвет на утреннем небе, розовый оттенок.

Несчастная золотая рыбка всё же не выжила: когда Чжаоди вернулась с новым аквариумом, та уже плавала в кружке кверху брюшком. Тяжело вздохнув, Чжаоди водрузила аквариум на прежнее место и принялась было собирать осколки, но остановилась и протёрла глаза, не веря, что и впрямь видит то, что видит: на осколках стекла лежал розовый комочек размером с половинку яйца. Он был едва заметен и слабо пульсировал, словно живое сердце.

– Неужели это не мираж? – прошептала Чжаоди, осторожно ткнув пальцем в пульсирующий комок. Палец прошёл сквозь него, будто сквозь утренний туман.

Существо, почуяв угрозу, метнулось прочь, и Чжаоди попыталась схватить его ладонью, но поймала лишь пустоту. После нескольких бесплодных попыток она схватила новый аквариум и накрыла им загадочное создание, но и это не помогло. Сквозь прозрачное стекло было видно, как пойманная в ловушку розовая тень, бесплотная и непостижимая, словно призрак из другого мира, мечется в своей ловушке: она медленно двинулась к краю аквариума, замерла, коснувшись стекла, и нерешительно сменила направление. Но, как ни старалась, вырваться не могла.

Переезд – изнурительная работа, особенно для хрупкой девушки. Чжаоди занималась распаковкой, пока небо не окрасилось в пурпурные тона заката, и всё равно неразобранных вещей оставалось слишком много, а помочь было некому. Взглянув на угасающее небо, она обречённо махнула рукой и оставила маленькое существо барахтаться в перевёрнутом аквариуме, вновь переключившись на чемоданы.

Ночь окутала комнату. Чжаоди совершенно забыла о загадочном существе на полу. С тяжёлой головой и ватными ногами она наспех умылась, без сил рухнула на кровать и мгновенно провалилась в глубокий сон. Сновидения были спокойными и умиротворяющими.

На следующее утро она проснулась поздно. Сонно вставляя трубочку в пакет молока, девушка осматривала новое жильё в поисках незавершённых дел.

«Ах да, аквариум!»

Наклонившись к перевёрнутому сосуду, она обнаружила, что существо на месте. Его едва заметное розовое тельце лежало на полу, словно создание смирилось со своей участью. Когда Чжаоди убрала аквариум, оно даже не пошевелилось.

Ткнув пальцем в пульсирующий комок (безуспешно!), она придумала проверку: поднесла поближе к созданию свой пакет молока и надавила на него так, что тонкая струйка из трубочки обтекла невидимые контуры, словно жидкое желе, вырисовывая форму шара.

Существо затрепетало. Его прозрачное тело постепенно стало молочно-белым, поглотив последние остатки розового оттенка. Чжаоди застыла с открытым ртом, не в силах поверить своим глазам.

Насытившись, создание побелело ещё сильнее. Новая попытка коснуться – новая неудача. Но теперь оно, будто зарядившись энергией, рвануло к свободе. Чжаоди инстинктивно схватила воздух, а затем снова накрыла беглеца аквариумом.

Существо металось по стеклянной ловушке, отчаянно ища выход. Сердце Чжаоди стучало чаще обычного: кажется, она поймала нечто совершенно невероятное.

Чжаоди перелопатила уйму материалов, но не нашла ни одного живого существа, которое было бы видимым, но нематериальным. А этот озорник явно живой, да ещё с характером! Даже понимая, что не может коснуться девушки, он всё равно угрожающе топорщился, словно собирался её укусить.

Девушка поселила существо в перевёрнутом аквариуме, поставив внутрь блюдце размером с ладонь. Уходя, она наливала в него молоко или сок, а вечером находила разноцветный клубочек: белый – если наливала молоко, фиолетовый – после виноградного сока, жёлтый – после апельсинового.

Оттенок зависел от количества выпитого: если блюдце оставалось пустым, цвет был насыщенным, если нет – бледным.

Привередливый гурман! Любимые напитки создание поглощало до капли, невкусные – лишь пригубливало. Когда Чжаоди налила сок боярышника, оно взбунтовалось. Вечером напиток остался нетронутым, а клубочек, почти прозрачный от голода, яростно бился о стенки аквариума. «Много ты понимаешь! – подумала Чжаоди. – Боярышник – лучшая ягода на свете!»

Со временем клубочек слегка подрос, его форма перестала быть идеально круглой. Чжаоди так и не поняла, что это за существо, но чувствовала, что привязалась к нему всем сердцем. Теперь, возвращаясь домой, она делилась с ним всем: рассказами о больничных буднях, тревогами о будущем и даже глупыми шутками из соцсетей. А оно, хоть и не отвечало, слушало и переливалось разными цветами, чутко улавливая настроение хозяйки, словно эмоциональный хамелеон.

Наливая сок или молоко в блюдце, Чжаоди болтала обо всём: от университетских сплетен до странных пациентов в больнице и звонков из дома. Клубочек, казалось, раздражался от её нескончаемой болтовни и яростно барабанил по стеклу. Но стоило налить сладкое молоко – успокаивался и с довольным видом погружался в белую лужицу.

– Эй, у тебя… хвост растёт? – прищурилась Чжаоди, внимательно разглядывая своего необычного питомца.

Насытившись молоком, существо стало кремово-белым. Со временем его форма изменилась: сзади появился крошечный вырост, напоминающий рыбий хвост.

Пока Чжаоди, склонившись ближе, разглядывала его, клубочек внезапно шлёпнул хвостом по кончику её носа. Безглазое создание словно смотрело на неё с немым возмущением, а затем стремительно (куда быстрее, чем прежде!) вернулось к блюдцу.

В свете лампы его тело переливалось перламутром, напоминая рыбу, плывущую в воздушном океане. Чжаоди устало зевнула: она чувствовала себя загнанной лошадью, бегущей по бесконечной дороге знаний между учебниками, отчётами по практике и диссертацией.

Постучав по аквариуму на прощание, она рухнула в кровать. Но, проснувшись утром, вспомнила, что прошлой ночью забыла перевернуть аквариум назад! Вскочив с кровати, словно ужаленная, она бросилась проверять домик своего друга. Сердце колотилось от тревоги: что, если её необычный питомец сбежал?

Неожиданно оказалось, что малыш спал крепче неё! В аквариуме стояло пустое блюдце: молоко было вылакано до последней капли. Существо сладко посапывало, уютно свернув свой новый хвостик. Присмотревшись, Чжаоди заметила, как его тельце ритмично вздымается в такт дыханию.

– Во что же ты превратишься? – рассмеялась она, склонившись ближе.

Теперь она ждала этого с нетерпеливым волнением.

Раз малыш не пытался сбежать, она перестала закрывать аквариум. Похожий на рыбку клубочек начал исследовать квартиру: он прилипал к телевизору во время просмотра сериалов, толкал страницы книг, пока она корпела над учебниками, а за ужином нагло воровал кусочки с тарелки, словно проказливый домовой.

Подрастая, существо требовало всё больше еды. Молока и сока стало недостаточно – оно принялось клянчить человеческую пищу, даже с явным удовольствием поглощало рисовые зёрнышки из чашки Чжаоди, забавно шевеля новым ротиком.

– Ой, у тебя появились глазки и ротик! – воскликнула она, заметив удивительные изменения.

Клубочек горделиво взмахнул хвостом, будто подтверждая: «Да, теперь я стал круче!»

Иногда существо, устав от тесноты четырёх стен, уплывало в окно и возвращалось, облепленное листьями и уличной пылью, так что Чжаоди приходилось отмывать его под душем, ворча и улыбаясь одновременно.

В один из дней в окне мелькнула тень дикого кота. Существо, испугавшись, со скоростью света влетело в комнату и застряло в своём родном аквариуме, ставшем ему тесным. Кот, увидев хозяйку квартиры, ретировался, оставив «рыбку» отчаянно пойманной бабочкой биться в стеклянной ловушке.

Чжаоди закрыла окно.

– Он ушёл.

Существо, застрявшее в узком горлышке аквариума, замерло, но всё ещё дрожало как осиновый лист.

– Раньше ты казался мне таким бесстрашным, – усмехнулась Чжаоди, снимая аквариум со стола, – а оказалось, что обычный кот тебя так пугает. Разве духи-рыбы должны бояться котов? Может, я назову тебя Трусом?

– Кто тут дух-рыба?!

Чжаоди вздрогнула. Через толстое стекло на неё с комичной яростью смотрело искажённое лицо существа. Визгливый детский голосок пытался звучать угрожающе:

– Вы, жалкие рыбы, даже близко не стояли ко мне! И имя у меня есть – Сяо Мань! – Оно фыркнуло и заключило: – Дура! Думала, умная, раз книги читаешь? Ошибалась!

– Ты… оборотень? – сдавленно поинтересовалась Чжаоди, в горле внезапно пересохло.

– Оборотень? – Сяо Мань язвительно скривил невидимый рот. – Раньше людишки называли меня божеством. А теперь зовут монстром.

Чжаоди уставилась на него, открыв рот.

– Боги… боятся котов? – наконец выдавила она.

Божество, наполовину застрявшее в аквариуме, замерло. Затем, фыркнув ещё раз, оно втиснулось внутрь и уселось там, как потерявшийся малыш.

– Вот почему я ненавижу людей! Вы сами превращаете божеств в монстров и потом сами же их боитесь!

Его голос эхом отразился от стеклянных стенок, наполнив комнату странным трепетом. Чжаоди почувствовала, как по спине пробежал холодок: это и впрямь было создание, чьё существование выходило за пределы человеческого понимания.

Так она наконец выяснила, кого приютила. По всей видимости, это был водяной дух, упорно отказывающийся признавать свою рыбью природу. Хоть в душе она так и считала, но вслух сказать не смела. Капризное «божество», поселившееся в её доме, мастерски устраивало истерики, а с обретением дара речи превзошло само себя в искусстве скандалов: грозный тон – пустяки; грозный тон и бесконечные монологи – вот где был настоящий кошмар!

Чжаоди считала себя болтуньей, но Сяо Мань побил все рекорды по красноречию. Сначала он делал паузы между своими нескончаемыми тирадами из-за незрелости формы, но потом подрос и принялся трещать без умолку, словно водопад, срывающийся с горных вершин.

Бегая между учёбой, изматывающими больничными сменами и написанием диплома, Чжаоди едва держалась на ногах. А дома её ждал божественный ворчун, способный вывести из себя даже святого. «Зачем я его подобрала?» – в сотый раз жалела она, растирая уставшие глаза.

В один из дней она корпела над своей диссертацией. Глаза, обведённые чёрными кругами, слипались, но Сяо Мань орал так, что стены тряслись:

– Эй-эй-эй! Готовь ужин! Уже поздно!

– Подожди, – буркнула она, как зомби, не отрываясь от экрана.

– Опять твоя пресная баланда! – завопил дух, подлетая к её голове. – Ещё и ждать меня заставляешь, как какого-то слугу!

– Не нравится – уходи! – зевнула Чжаоди, потягиваясь. – Окно открыто, лети на все четыре стороны!

– Там же коты! – завизжал он, в панике заметавшись по комнате. – Вы, люди, совсем с ума сошли, раз держите этих мерзких тварей!

– Лучше кот, чем надоедливый дух! – огрызнулась та, окончательно теряя терпение.

Сяо Мань метнулся к монитору и закрыл экран своим полупрозрачным, как облачко, телом.

– Свали! – Чжаоди махнула рукой, будто отгоняя назойливого комара, и попыталась сфокусировать затуманившееся зрение на экране.

– Если будешь так пялиться, глаза испортишь!

Только тут она осознала, что буквально уткнулась носом в экран, словно слепой котёнок, и, откинувшись на спинку стула, устало потёрла переносицу.

– В последнее время зрение будто подводит…

– Говорил же! – Надоедливый дух всплыл перед её лицом, важно задрав нос. – Всё, что светится, кроме луны и звёзд, портит глаза. А ты не слушаешь! Лучше полюбуйся моей величественной формой!

– Твоей чем? – фыркнула Чжаоди, закатывая глаза. – Да брось! Взгляни-ка на себя!

Как менялся Сяо Мань? Сначала он был бесформенным шаром, ни красивым, ни уродливым. Потом он стал похож на рыбку с милой мордашкой. Сейчас же его тело вытянулось, голова заострилась, появился желтовато-серый окрас: он напоминал старую солёную рыбу, пролежавшую в бочке.

– Не смейся! – завопил он своим сиплым голосом, размахивая хвостом. – Ты моего истинного облика не видела! Высокий! Могучий! Грозный!

– Ага, «божество», которое кошек боится, – язвительно заметила Чжаоди, прекрасно знакомая с его манией величия. – Мышь натуральная!

– Это правда! – завизжал он, брызгая слюной. – Загадай желание! Может, исполню!

– Лучше ты загадай, что на ужин хочешь, – рассмеялась она, представив, как это «божество» выпрашивает еду.

Сяо Мань надул щёки, словно рыба-шар, готовясь взорваться от возмущения.

– Если других пожеланий не будет, сегодня на ужин – консервированный боярышник.

– Хочу яичницу с помидорами! – поторопился Сяо Мань, проявив неожиданную мудрость и воздержавшись от споров.

Хозяйка квартиры наконец закрыла ноутбук и встала.

– Утверждаю!

Ужин прошёл в холодном молчании. Но когда Чжаоди начала мыть посуду, Сяо Мань завёл свою привычную шарманку:

– Раньше в мой храм приносили деликатесы – не то что твоя яичница!

– Как впечатляюще, – рассеянно отозвалась Чжаоди, не отрываясь от своего занятия.

– Думаешь, я вру?! – возмутился дух.

– Вовсе нет. Мечтаю, что однажды ты покажешь мне свой храм. – Она протирала тарелку, ожидая привычной колкости, но Сяо Мань внезапно замолчал. – Что случилось?

– Его больше нет. Храм на горе Ишань… построили, а потом разрушили. – Его голос впервые прозвучал глухо и безжизненно.

Она замерла с тарелкой в руках.

– Почему?

– Не из-за чего-то хорошего, – уклончиво буркнул Сяо Мань, впервые закрыв свой болтливый рот.

Неожиданно наступила тишина. Чжаоди помыла посуду, постирала одежду, написала ещё главу своей диссертации – и ни одного вмешательства со стороны. Непривычное молчание давило на уши, словно вата.

Сяо Мань сидел в углу, надувшись от обиды. Увидев эту безрадостную картину, Чжаоди пораскинула мозгами, откашлялась и спросила:

– Твой храм… он был посвящён Мацзу[1] или Лунвану?[2]

– Сколько раз говорить – я не рыба! – взорвался Сяо Мань.

– Тогда расскажи мне, – предложила Чжаоди.

– Что рассказать?

– Про храм. Каким он был?

– Какой ещё храм… – буркнул Сяо Мань. – Ты же мне не веришь.

– Сейчас начинаю верить.

Он фыркнул, но, заметив её серьёзное выражение лица, не выдержал:

– Правда веришь?

– Судя по твоей реакции, тот храм был твоим домом. Его разрушили – вот ты и горюешь.

Между ними повисла пауза.

– Ты ковыряешься в чужих ранах, – глухо прозвучало из угла.

– А тебе не привыкать. – Она махнула рукой, указывая на квартиру: – Я ведь дала тебе новый дом.

– Врёшь! – взвился дух. – Это съёмная конура! Окончишь институт – уедешь отсюда!

– Если уеду, возьму тебя с собой, – усмехнулась Чжаоди.

– Брешешь! – сплюнул Сяо Мань. – Восемь из десяти матерей запрещают детям заводить питомцев. Твоя – в их числе! А остальные две заводят котов. Проклятье!

Девушка рассмеялась.

– Ты – мой питомец?

Он замер и скривился, словно лимон проглотил.

– В одном ты прав: мама точно не разрешит мне держать питомца.

---

[1] Богиня – покровительница мореходов в поздней китайской мифологии.

[2] Глава драконов-лун, повелитель вод.

Сяо Мань снова замер. На его «лице» читались грусть и растерянность.

– Но я не вернусь в тот дом, – добавила Чжаоди. – Моя мать… она меня не любит.

– Мачеха? – уточнил дух.

– Родная.

Сяо Мань задумался.

– Поссорились?

– Нет.

– Ты всё выдумываешь. Нет матерей, которые не любят своих детей! – Его голос вдруг зазвучал словно старческое наставление.

– Твоя мать тебе это внушила? – усмехнулась Чжаоди.

– У меня нет матери. Демоны не рождаются от матерей. – Он подплыл ближе. – Но я видел много любящих родителей. Однажды в мой храм пришла женщина – молиться за умирающего сына. Она била поклоны[3] сутки напролёт.

Чжаоди молчала.

– Родители не бывают злыми, – продолжил Сяо Мань. – Они любят детей, даже если те ошибаются. Ты должна простить их.

И тут она вспомнила:

– В детстве мама готовила яичницу с помидорами. Я взяла кусочек яйца, а она ударила меня палочками по руке и сказала: «Отдай брату!» И только когда он наелся, я доела остатки. А она спросила: «Почему не ешь яйца? Давала – отказывалась, не даю – хватаешь!»

Сяо Мань открыл свой «рот засоленной рыбы»:

– Почему так?

– Многие предпочитают сыновей. Считают, что мальчики сильнее и важнее. Меня назвали Чжаоди – «Призывающая брата». Всё, чего они хотели, – это родить сына.

– Я всё меньше понимаю людей, – задумчиво признался дух.

– Они любят меня, но эта любовь – неравная. Если брату что-то нужно, мою долю отдают ему. Даже шанс на образование. В средней школе меня заставляли работать, чтобы оплачивать его учёбу. Я отказалась, и за это меня выгнали из дома.

Чжаоди помолчала, затем добавила:

– Если бы не спонсоры, я бы никогда не закончила учёбу. Не стала бы врачом. Иногда думаю: может, всё, что со мной случилось, – наказание за ошибки? Но если это из-за моего пола, который я не выбирала… это полный абсурд. – Подперев подбородок, она усмехнулась: – И ты всё ещё советуешь мне их простить?

– Не прощать! – На этот раз Сяо Мань был категоричен. – К чёрту это прощение!

Девушка приподняла бровь:

– Минуту назад ты говорил иначе.

– Плевать! – Он уставился пустым «рыбьим» взором в стену. – Все, кто призывает терпеть несправедливость, – сволочи!

– Ха-ха-ха! – Чжаоди хлопнула по столу. – Отлично сказано! – Она облокотилась на столешницу, приблизив лицо к Сяо Маню, и шепнула: – Спасибо, что был со мной всё это время. Пусть ты шумный, неказистый и… нематериальный.

– Ты!.. – закипел было дух.

– Но ты мне нравишься, – подмигнула она.

Хвост рыбьего демона замер на мгновение. А Чжаоди сонно зевнула.

– Ты ещё вырастешь? – поинтересовалась она.

[3] Важный ритуал, обряд тройного коленопреклонения и девятикратного челобитья, древнейшая часть китайской традиции уважения к предкам.

– Зависит от твоих усилий, глупая женщина. Если перестанешь лениться, станешь баловать меня вкусняшками – может, и верну свой прежний облик: высокий, могучий, настоящий божественный вид! – произнёс он с ноткой неуверенности в голосе.

– О, мне бы на это посмотреть! – усмехнулась Чжаоди, уловив эту дрожь.

Пока Сяо Мань размышлял, она снова протянула к нему палец, но вновь не ощутила ничего, кроме пустоты.

– Даже если ты останешься таким… Даже если я никогда не смогу тебя коснуться… Не страшно. Всё-таки ты – божество. – Она усмехнулась и добавила: – То самое, которое я спасла от кошачьих когтей!

Сяо Мань, задетый за живое, фыркнул:

– Пара бродячих кошек! Будь моя прежняя сила…

Его прервал тихий храп: Чжаоди уснула.

– Твердишь о защите богов, а сама храпишь! – проворчал дух, но всё же подплыл поближе и головой подоткнул одеяло к её плечам, а после застыл в созерцании. – Точная копия… – прошептал он себе под нос, глядя на спящую.

Ночные бдения не пошли Чжаоди на пользу. Проснувшись утром, она ощутила тяжесть в голове, измерила температуру и обнаружила лихорадку. Глянув на дождь за окном, Чжаоди взяла на работе больничный, проглотила таблетки и рухнула в кровать.

– Чжаоди! Чжаоди! – подплыл к ней Сяо Мань.

– Еда в холодильнике… бери сам, – буркнула она, кутаясь в одеяло и чувствуя, как раскалывается голова.

– Не то! – Он подплыл ближе. – Смотри!

Приоткрыв глаза, она увидела, что Сяо Мань демонстрирует ей новый выступ на теле.

– Что это?

– Не знаю! – Его голос дрожал от возбуждения. – Может, рука? Я ещё вырасту!

– А разве ты не рос всё это время? – пробормотала она сквозь сон.

– Не знаю. Но… – он запнулся, – твоя еда работает! Может, я всё же смогу вернуть прежний облик!

Чжаоди высунула голову из-под одеяла:

– Каким ты был?

– Выше тебя! – Сяо Мань дрожал от нетерпения. – И ты смогла бы меня наконец коснуться!

– Неплохо. И что тогда? Вернёшься в горы восстанавливать храм?

– Нет. – Он склонил голову. – Хочу остаться с тобой.

– Надолго?

– Навсегда.

Чжаоди хихикнула:

– Ха-ха, это похоже на предложение руки и сердца!

– Что для людей сейчас означает брак? – спросил Сяо Мань.

– Брак… – Чжаоди задумалась. – Это самый простой способ стать семьёй для тех, кто чужой по крови. Быстро и дёшево: печати в паспорте – и готово.

– Тогда… ты согласна стать моей семьёй? – переспросил он.

– Эй-эй-эй… – рассмеялась в ответ Чжаоди. – Это звучит как предложение!

– Не совсем так. Это и есть предложение. – Хвост Сяо Маня дрогнул. – Я хочу жениться на тебе.

– Ну это уж слишком! Ты что, предлагаешь мне выйти замуж за солёную рыбу?!

– Я не рыба… – начал было закипать Сяо Мань, но, осознав, что крики портят момент, сменил тон: – Я вырасту! Буду есть и расти. Выходи за меня – всё самое лучшее отдам тебе!

Первый кусочек мороженого, сердцевину арбуза, желтки из яичницы… даже последнюю фрикадельку. Всё, что у меня есть, даже последние годы жизни, – твоё.

Помолчав, он добавил, будто повышая ставки:

– А весь боярышник – мой!

Последняя фраза рассмешила Чжаоди.

– С боярышником надо быть осторожнее, не то живот заболит, – хмыкнула она.

Сяо Мань надул щёки:

– Тогда пообещай!

– Но сначала тебе нужно вырасти.

– Буду есть много-много! Не заставлю ждать!

Чжаоди смягчилась, а Сяо Мань, звуча совсем как взрослый мужчина, сказал:

– Я точно на тебе женюсь.

Посмотрев на него, Чжаоди вдруг натянула одеяло на голову.

– И без того жарко, а ты ещё и говоришь такие смущающие вещи!

– Почему ты выглядишь такой озабоченной? – забеспокоился он, не понимая её реакции.

– Как же не беспокоиться по такому поводу? – Она снова начала ворочаться. – От одной мысли, что выйду за бездельника, голова идёт кругом.

– Какого такого бездельника? – Сяо Мань стащил с неё одеяло и заглянул в лицо. – Ты выходишь за божество. Отныне я буду божеством, что охраняет только тебя.

– Фу, воняешь вяленой рыбой, а всё хвастаешься! – рассмеялась Чжаоди.

– Неправда… – запротестовал Сяо Мань, неуверенно потянув носом воздух.

Чжаоди хихикнула. Её смех звучал сонно и невнятно – возможно, из-за снотворного эффекта жаропонижающего.

Сяо Мань сидел у её кровати, пока она не заснула. Дождь за окном усилился.

– Ты… ты закрыл окно? Дождь… – пробормотала сквозь сон Чжаоди.

– Давно закрыл, – ответил он.

На её лбу выступили капельки пота.

– А точно закрыл? – уточнила она в полудрёме, слыша, как дождь стучит по стеклу. Она почему-то чувствовала на лбу лёгкое прикосновение ветерка – того самого, что странствовал по девяти провинциям, струился над полями и, пройдя долгий путь, теперь задержался здесь, чтобы нежно обнять её.

К счастью для Чжаоди, она никогда не имела серьёзных проблем со здоровьем, и после сна температура практически спала. Однако, открыв глаза, Чжаоди остолбенела от испуга: хотя она проспала всего несколько часов, Сяо Мань изменился до неузнаваемости. У него появились две руки, две ноги и шея, так что теперь очертаниями тела он скорее напоминал примата.

– Что ты наделал?

Сяо Мань, набив щёки, пережёвывал пищу, стащенную из холодильника.

– Проголодался, – прочавкал он.

Чжаоди фыркнула:

– Ты растёшь всё быстрее.

– Разве быстрый рост – это плохо? – осведомился Сяо Мань, продолжая увлечённо жевать. – Когда верну прежний облик, ты сможешь прижаться к моему телу и укутаться в тёплые объятия.

– Да брось. – Чжаоди слезла с кровати и присела на корточки перед демоном, уже достигшим половины её роста. Подхватив с пола пакет с закусками, она поинтересовалась: – А каким ты был изначально?

– Хочешь увидеть?

– Ещё бы! Я столько ждала. – Чжаоди уже успела набить рот печеньем, поэтому её голос звучал странно. – Кстати, надо бы мне в больницу сходить.

– Но тебе же дали больничный?

– Хочу проверить зрение. В последнее время много работаю за компьютером – кажется, оно подсело.

– Я тоже пойду!

– Думаешь, влезешь в рюкзак? – Чжаоди закатила глаза. – Я быстро управлюсь. И захвачу тебе еды, не переживай.

Итогом посещения больницы стала печальная новость: зрение Чжаоди действительно заметно ослабло. Но, что удивительно, причину такого резкого ухудшения так и не смогли определить и списали всё на обычное переутомление.

К счастью, врач, проводивший осмотр, проявил понимание и пошёл навстречу, продлив больничный, чтобы Чжаоди успела как следует восстановиться.

Вернувшись домой, она застала Сяо Маня, который продолжал мести всю еду, какую только мог отыскать. И он стал ещё крупнее, чем был утром.

– Ты растёшь слишком уж быстро! – покачала головой Чжаоди.

Дух рассмеялся. Теперь он напоминал обезьянку с взъерошенной шерстью: ни красоты, ни миловидности. Он протянул ей руку. Недавно сформированная ладонь была сжата в кулак, будто что-то прятала.

– Это тебе.

– Что?

– Присядь.

Послушно опустившись на корточки, Чжаоди увидела, как уголки его рта задрожали в хитрой улыбке. Медленно разжав ладонь, он выпустил прямо ей в лицо поток воздуха, растрепав чёлку.

– Это… что было? – моргнула она.

– Ветер.

Сяо Мань самодовольно выпятил грудь, ожидая похвалы.

– Вау, значит, теперь ты можешь заменить вентилятор? Здорово! – воскликнула Чжаоди, хотя втайне пожалела, что его способности не особо полезны в быту.

Сяо Мань, чувствуя насмешку в её голосе, заупрямился:

– Когда верну прежний облик…

– Когда вернёшь прежний облик, первым делом покажись мне. Не подведи меня после того, как я вырастила тебя до таких размеров, – перебила она, проведя ладонью в воздухе рядом с его неосязаемыми щеками.

«Интересно, каким будет твоё лицо?» – подумала она про себя, разглядывая его расплывчатые черты.

– Надеюсь… – Сяо Мань запнулся, но всё же выдавил из себя: – Надеюсь, тебе понравится.

Чжаоди улыбнулась, но её зрение снова поплыло, и она машинально потёрла глаза.

– Что случилось? – встревожился дух.

– Плохо вижу…

– Как так? Стало хуже?

– Наверное, это всё оттого, что я слишком много работаю… – Чжаоди зевнула. – И голова кружится. Пойду лучше спать.

Лихорадка, похоже, ещё не отступила до конца. Чжаоди неудержимо тянуло в сон, и она молилась, чтобы продолжительный отдых помог ей восстановить силы. В эти дни она спала как никогда много и так глубоко, что порой казалось, будто даже сны обходят её стороной.

В полудрёме она почувствовала, как кто-то осторожно тронул её за плечо. Потом встряхнул сильнее. И, наконец, отчаянно закричал:

– Чжаоди! Чжаоди!

Сознание было мутным. Она уткнулась лицом в подушку и пробормотала:

– Что?

– Я вернул свой облик! – Мужской голос, зрелый и взволнованный, гремел над ухом. – Открой глаза! Я наконец-то могу тебя касаться!

Чжаоди дёрнулась и села на кровати.

– Сяо Мань?..

Он сидел на краю постели – теперь уже не юноша, а зрелый мужчина. Высокий, статный, с благородными чертами лица, как и обещал когда-то. В его глазах пылало нетерпение, он жадно ловил малейшее движение её лица, каждую эмоцию, отразившуюся в глазах.

Чжаоди, всё ещё окутанная пеленой сна, медленно открыла глаза. На мгновение она застыла в изумлении, машинально потирая веки. Сердце Сяо Маня готово было выпрыгнуть из груди, так напряжённо он ждал её реакции. Что же она скажет? Может быть, радостно воскликнет: «Вот такой облик мне нравится!» Или, как всегда, небрежно фыркнет: «Да ничего особенного»? А вдруг она растрогается до слёз и заключит его в тёплые объятия?

– Сяо Мань… Почему ты не включил свет? – вместо этого спросила она.

Все его чувства – нетерпение, восторг, тревога – застыли на его лице. За окном сияло яркое солнце, заливая комнату тёплым светом. Сяо Мань медленно провёл рукой перед её изумлённо распахнутыми глазами – рукой, ставшей наконец настоящей, живой, тёплой. Лёгкое движение породило едва заметный ветерок, который Чжаоди отчётливо ощутила кожей.

Она схватила его за запястье.

– Сяо Мань… Ты включил свет? – В её голосе звенел ужас.

Он попытался ответить, но горло будто вмиг пересохло.

– Почему? – дрожала Чжаоди. – Даже если ночь… почему я ничего не вижу?

Она вернулась в больницу и прошла все положенные обследования, но итог оказался неутешительным: они ничего не показали. Причины внезапной слепоты могли быть самыми разными, однако результаты анализов исключали все возможные болезни. Врачи только беспомощно разводили руками, глядя на безупречные показатели её здоровья, и с сожалением повторяли: «Извините».

И тут нагрянули её родители. Сяо Мань впервые увидел их: они безутешно плакали, крепко сжимая руку дочери. Но когда они обернулись и заметили парня, замершего позади с чашками чая, мать внезапно резко повысила голос:

– Ты парень моей дочери?!

– Она столько лет не возвращалась домой – и всё из-за тебя?! – крикнул отец.

– Скажи, как моя дочь дошла до такого? Это ты её довёл?!

– Я столько лет растил талантливую дочь, а ты её погубил!

– Моя девочка, которую я берегла как зеницу ока, попала в твои руки – и вот результат! И ты ещё отрицаешь свою причастность?!

Сяо Мань молчал. Господин и госпожа Ван, решив, что он признаёт вину, сыпали всё более грязными оскорблениями в его сторону, пока отец наконец не сплюнул прямо на пол и не рявкнул:

– Слушай, ты оплатишь лечение дочери! И компенсацию! И не меньше!

Шум сделался совершенно невыносимым. Чжаоди, не видя происходящего, в отчаянии закричала, требуя, чтобы родители ушли, но они не послушались, и она, не выдержав, приказала Сяо Маню не открывать им больше дверь. Однако, стоило крикам затихнуть, квартира погрузилась в тяжёлую, давящую тишину.

Сяо Мань взял Чжаоди за руку.

– Пройдёмся?

– Не хочу.

– Тогда посмотрим… – он запнулся, – телевизор?

Не дождавшись ответа, он погладил её ладонь и мягким утешающим тоном предложил:

– Может, я расскажу тебе историю?

Чжаоди отвернулась к стене. Сяо Мань замолчал, наблюдая, как её плечи мелко дрожат от беззвучных рыданий.

– Хочешь, я расскажу тебе историю про мой храм? – Ответа не последовало, и он добавил: – Очень интересную! – Снова тишина. – В конце меня чуть не забили до смерти! – Сяо Мань нарочно преувеличил, но ответа так и не добился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.